

Роберт Лейнонен, Копейск-Лауша

Ирина Сорокина

Сколько людей встречает человек на своём длинном жизненном пути? Сколько из них становятся его знакомыми, друзьями, добрыми знакомыми его знакомых? От скольких из них не остаётся потом и следа в памяти дней и суете событий - стираются лица, забываются имена... Но есть люди, которые одним своим присутствием на земле влияют на жизнь другого человека - вольно или невольно...

Удивительной личностью, осветившей мне не только два послевоенных года в трудармии в южно-уральском шахтёрском городке Копейске, но и оставившей яркий след на всю мою дальнейшую жизнь, явилась Ирина (Пальмира) Сорокина, в замужестве Арзамасцева.

А познакомился я сначала с отцом её будущего мужа Иваном Николаевичем Арзамасцевым, работавшим старшим нормировщиком у нас в Спецконторе по тушению подземных пожаров. Иван Николаевич был выходцем из старой русской интеллигенции и прежде, ещё до революции, работал в Копейске штейгером. Так на старых шахтах России называлась должность, которую в советское время заменили на „горный мастер“. Арзамасцеву было уже за шестьдесят, когда ему в помощники назначили меня, предполагая, по-видимому, что после его ухода на пенсию эту должность займу я.

Конечно, Иван Николаевич многому научил меня и в области нормирования, и в области горного дела. За время, которое я с ним проработал, он посвятил меня и в историю Копейска, и в основы угледобычи. Жил он по улице Горной, 9 со своей удивительно интеллигентной милой Анной Петровной. Сын их Сергей воевал на фронте, будучи танкистом Челябинского танкового корпуса.

Они занимали одну комнату в коммунальной двухкомнатной квартире на первом этаже двухэтажного дома. Квартиры были предназначены для одной семьи, но война и большое количество эвакуированных привели к их перенаселению: копейчанам пришлось потесниться. И для того, чтобы пройти в комнату к Арзамасцевым, нужно было пересечь комнату их соседей.

И вдруг Иван Николаевич серьёзно заболел. А поскольку он был председателем месткома, то начальство официально поручило навещать его мне, что я добросовестно и делал. Анна Петровна встречала меня очень гостеприимно, мы вместе чаёвничали и долго беседовали о всякой всячине. Люди они были образованные, начитанные и безусловно, бывать там было интересно.

К ним я приходил часто лишь после 10 вечера - до этого был волейбол, танцы, а потом и занятия в школе рабочей молодёжи. Дело в том, что в то время я решил вторично закончить десятый класс в вечерней школе, чтобы получить аттестат об образовании, поскольку мой собственный находился в архивах Ленинградского университета. Учёба не составляла трудностей, но занимала много времени. Арзамасцевы знали это и охотно принимали меня в позднее время. К счастью, у них были очень порядочные соседи, которые на мои визиты никак не реагировали. Когда я приходил, они чаще всего уже спали, и в комнату к Арзамасцевым я прокрадывался на цыпочках.

От Анны Петровны я узнал, что у них вечерами часто бывает и Ира Сорокина, соседка и школьная подруга их сына, учительница истории школы № 5. Правда, её настоящее имя было Пальмира, но этого почти никто не знал.

И вот 3 сентября 1946 года в празднование Дня Победы над Японией я вечером, как обычно, пошёл в Городской Сад на танцы. Почти у самого входа я встретил знакомых мне сестёр Римму и Басю. Они стояли и беседовали с девушкой, которую я раньше несколько раз замечал в Саду.

Я подошёл. Нас познакомили по именам. Беседа продолжалась. Мы вместе несколько раз прошли по Саду, прогулялись вокруг танцплощадки. Я сразу почувствовал, что новая знакомая Ира весьма неплохой собеседник. Вдруг Римма и Бася засобирались домой. Прощаясь с Иррой, они приглашали её заходить в гости. А та в ответ приглашала их к себе и назвала адрес: Горная, 7.

- А Арзамасцев Вам не сосед? - поинтересовался я.

- А я Вас знаю! - вспыхнула Ира. - Ваша фамилия... - она задумалась, - Лейнонен.

Оказалось - и теперь уже приходилось догадываться мне - что именно она-то два дня тому назад и приходила к нам в Спецконтору за продовольственными карточками для Арзамасцевых.

Таким образом, наше знакомство состоялось 3-го сентября как бы во второй раз. Римма и Бася ушли, Ира взяла билет на танцы, и мы пошли на танцплощадку. Я не танцевал. Было много народу и порядочно пьяных. Ира танцевала с какой-то подружкой и всякий раз они останавливались после танца возле меня. Мы перебрасывались короткими замечаниями, но подружка Иры вскоре ушла. Мы присели на скамейку у барьера. Танцевать с Ирой я не мог - она была выше меня ростом, а значит, не парой.

Беседа наша всё больше оживлялась, а танцы незаметно закончились. После танцев я проводил Иру до дому, вечером остался очень доволен и был настолько взволнован, что даже сразу пошёл не домой, а зашёл в Спецконтору, где ещё долго сидел и беседовал с дежурной, нашим геологом Фелицатой Васильевной. Это был удивительный музейный экспонат - воплощение старой девы в идеале со всеми её странностями, ужимками, нарядами, привычками. Было ей лет 35 и в коллективе она служила примером насмешек и издевательств, хотя была человеком безобидным и вызывавшим у меня порою даже жалость. По любому поводу она могла улиться слезами, но в общем-то кроме смеха и издёвок от сослуживцев ничего не получала.

Вот с ней я и пытался как-то душевно разрядиться и несколько успокоиться. В тот же день хотел сделать запись о состоявшемся знакомстве с Ирой Сорокиной, а потом сожалел, что не сделал этого: всякое впечатление следует записывать, пока оно свежо.

Тот вечер был необычным. Таких интересных людей - я говорю, конечно, не о внешности - встречаешь не часто. Но судьба отмачивает порой любопытные коленца.

Через три дня после занятий в школе я направился в Горсад. Сознаюсь, что мне в эти дни хотелось видиться с Ирой. Умные люди встречаются слишком редко, как она говорила мне. В тот вечер мы снова проговорили о разных разностях.

А на следующий день утром Ира пришла в Спецконтору и сообщила о смерти Ивана Николаевича Арзамасцева.

Меня назначили ответственным за похороны. День прошёл в беготне. 8-го сентября мы пошли на кладбище. Ещё дома я втайне мечтал сходить туда именно с Ирой, что и произошло. В разговорах и туда и обратно мы с ней шли какими-то подозрительными кругами, чему даже сами удивлялись.

Мне что-то везёт со знакомствами, связанными со смертью. До войны в Ленинграде именно на похоронах я познакомился с Мэри Иммертрей, ставшей моей хорошей подружкой в старших классах школы. Война разлучила нас навсегда – она с семьёй из блокадного города уехала в Нижний Тагил.

Пару слов об Ире. Внешность: высокий рост, славное лицо; чёрные волосы, брови и глаза. При первом взгляде всякий сказал бы, что она еврейка, но Ира это отрицает. И опять никто толком не знает, ибо Ира никогда ничего не говорила мне о своём отце. Не имеет ли она что-то от восточного предка? Несколько её замечаний навели меня на эту мысль.

Ира преподаёт историю в младших классах. Полагаю, что она с 1924-25 года. В разговорах чувствуется неглупая голова и большая острота, едкая насмешка.

Эти несколько встреч в начале сентября доставили мне большое удовлетворение. Оказывается, слова: „Кто ищет - тот всегда найдёт“ - слова не пустые.

Ивана Николаевича похоронили 11 сентября. Погода стояла неважная. Шёл дождь. Провожатых было немного. Однако, Анна Петровна осталась довольна. После похорон зашли на поминки. Тут настала моя очередь высказать своё удовлетворение: не было водки. Обед сам по себе был очень хорош. Народу было, видимо, человек тридцать с лишком.

Ира по секрету попросила меня остаться во вторую очередь, что я и сделал. После поминок просила при следующей встрече, на которую она надеялась, напомнить ей что-то. Интересно, что бы это значило. Я и сам не прочь с ней встретиться, но пока не знал, где и как.

После смерти Ивана Николаевича я взял на себя заботы по получению продуктов и хлеба для Анны Петровны, ибо это было связано с очередями и не всегда давалось просто. Тем самым я по меньшей мере два раза в неделю продолжал бывать у Арзамасцевой дома. Там-то и происходили наши встречи с Ирой.

Однажды она задала мне вопрос: какое качество в человеке мне больше всего нравится?

Ответа я сразу не дал. Человек не может иметь какое-нибудь одно качество. Человек - совокупность целого ряда качеств, их соотношение может быть как угодно различным. И только так можно рассматривать человека. Если сказать, что человек обладает изумительной внешностью, не значит ли это почти ничего не сказать о человеке вообще! Это ведь только одна черта. Правда, можно уже сделать ряд предположений о других его качествах, но они не всегда будут правильны.

Когда Ира задала мне ряд различных комбинаций и вариантов, мне понравился только один: „посредственная внешность, мягкий характер и ум выше среднего“. Думаю, она с моим выбором согласилась. Полагаю, что она сделала намёк на себя.

Наступила зима 1946 года. Два долгих вечера в неделю, которые я продолжал проводить у Анны Петровны, встречаясь там с Ирой, были просто удивительно интересными. Перед ними я всегда испытывал какое-то особенное волнение. Ира всё же настолько интересный человек, всем интересуется, умна.

Однажды мне ещё больше, чем когда-либо, захотелось учиться и учиться. Знать больше, знать! А причиной послужило то, что я не смог хоть сколько-нибудь удовлетворительно доказать, что Бога не существует. Запас моих знаний оказался совершенно недостаточным. Грустно, но факт! У кого учиться? Где найти такого человека?

Когда мы с Ирой вышли от Арзамасцевой, оказалось, что на улице комариная темень. Полная луна, сиявшая до этого, куда-то исчезла. Звёзды ослепительно блеснули в вышине, но луна оставалась на своём месте, она только спряталась за тень земли: было лунное затмение.

Вид этого прекрасного неба, эти звёзды, красноватая луна, полоса Млечного Пути показались мне снова такими удивительно красивыми, такими манящими к себе, к разрешению мировых загадок. Захотелось снова посвятить себя им, изучению тайн мироздания. Как чудесно устроен мир! Как он прекрасен!

Нет, не наша жизнь, не наши мелкие интересы - они не прельщали меня. Мир! Весь мир хотелось объять своим маленьким умом. Весь тот мир, который существует независимо от нашего желания и воли, те далёкие звёзды, которым дела нет до наших радостей и страданий, всё то, что не подчинено нашим законам, а управляется совсем иным - это хотелось бы постигнуть, эти законы хотелось бы изучить. Неужели нет никаких возможностей для этого? Неужели так и суждено умереть дураком?

Встреча Нового 1947 года должна была пройти для меня в несколько иной обстановке: в школе, в кругу преподавателей. Ира пригласила меня туда и настояла на моём присутствии.

Намечалось что-то вроде маскарада. Быть мне там очень хотелось, но идти было буквально не в чем. Потому первоначально мой план свёлся к изготовлению маскарадного костюма. Я сшил себе длинную широкую юбку из трёх целых полотнищ, склеил маску и бюст и почти закончил свой наряд.

Но тут неожиданно получил премию, купил брюки, починил баретки - так называли тогда мужские полуботинки - и решил идти уже в нормальном костюме. Дело было только за пиджаком. Я решил, что если на следующий день его не приобрету, то придётся идти, в чём Бог послал. Но идти очень хотелось.

31-го декабря мне пришлось, как обычно, заняться выпуском стенной газеты в Спецконторе, что задержало меня до шести часов вечера.

Ира должна была ждать меня и своих подруг до половины шестого. И потому я в семь отправился прямо в школу, которую нашёл без особых затруднений. Маскарад был уже в полном разгаре. Ира сразу заметила меня и проводила в учительскую. Сюда же пришли и её подруги. Одну из них, Ларису Прокофьевну Целищеву, преподавательницу немецкого языка, я знал в лицо и раньше.

Немного позже я познакомился с Иваном Ивановичем Асмусом, преподавателем математики из немцев Поволжья. Все эти новые знакомые произвели на меня очень приятное впечатление. Часам к десяти вечера школьников проводили домой. Мы же, человек пятнадцать, направились в квартиру директора тут же при школе.

До 11 часов занимались игрой в карты и немного танцевали. В 11 сели за стол.

До 12 уже изрядно выпили. Потом повторили, и наконец я был настолько „хорош“, что нашёл себе убежище в уборной, где и провёл часа три, пока не пришёл, наконец, в себя.

Положение моё было поистине идиотским. Некоторые из участников были тоже в „замечательном“ виде. Как некрасиво, как противно за себя. Откровенно, я всё же не ожидал,

что меня настолько скрутит. Виновата была брага. До того времени я никогда в рот её не брал и не рассчитал ни её крепости, ни свои силы. Я никогда и не предполагал, что действие этой безобидной на вид жидкости так сильно. Что ж, говорят: „Durch Erfahrung wird man klug“ („Через опыт набираешься ума“). Следующий раз будем умнее.

Часов в пять утра компания вновь стала собираться. Сели за карты. В восьмом часу направились по домам.

Вечером того же 1-го января уже нового 1947 года я решил сходить во Дворец Культуры. Днём немного поспал, а потом бродил, не находя себе места, до шести часов вечера.

В шесть пошёл к Анне Петровне Арзамасцевой. Оттуда в девять во Дворец. Звал и Иру с подругами, но она не пошла, ибо днём они опустошили остатки браги и подруги её, видимо, спали.

Во Дворце я снова не получил полного удовольствия. Танцы, которыми несколько месяцев назад так увлекался, почему-то не казались мне такими заманчивыми. Почти всё время я танцевал с различными партнёрами, но практически ничего не говорил: не было настроения. Присутствующие на вечере почему-то произвели на меня в целом неприятное впечатление. Многих я знал уже давно, некоторые за это время очень изменились - опустили.

Немного позже пришла Ира с Ларисой Целищевой. Я, откровенно, этого не ожидал, хотя на её месте поступил бы именно так.

В первом часу ночи я проводил их домой. Было очень холодно. В моих бареточках - весьма „приятная“ прогулка. Но в целом вечером я остался недоволен. Пустота, снова пустота...

По приглашению Иры 6-го января я был у её подруг. Вечер провели хорошо, играли в карты. Ира затеяла что-то вроде „флирта“, попросту молчаливую беседу. Всякий писал на бумажке, что ему вздумается. В те годы была такая распространённая игра: участникам раздавались карточки, на которых были написаны самые разнообразные фразы. Перед каждой фразой писалось название цветка. Участник выбирал нужную ему фразу, передавал карточку партнёру или партнёрше и называл цветок, за которым следовала его фраза.

Я чувствовал, что Ира таким способом хотела со мной поговорить. Она просила дать отзыв о своём друге Сергее Арзамасцеве, который перед этим приезжал к матери на побывку и с которым она меня познакомила. Довольно любопытно. Будто бы за несколько встреч я смог узнать его лучше, нежели она за несколько лет.

Да и кроме того, что это за отношения? Любит она его или нет? Вряд ли я стал бы наводить справки такого рода о любимом человеке. О таком человеке у меня определённо имелось бы своё собственное мнение и всякое иное могло бы меня скорее оскорбить. И потому я бы вряд ли стал его искать.

Если человек хорош, он не нуждается в дополнительных похвалах. Если же нет – ничто и не поможет. Смешно было бы, имея длинный нос, разыскивать человека, который найдёт его нормальным и даже красивым и утешаться этим.

А вечером 9-го января на меня снова напала какая-то грусть. Почему? Право, я сам не знал. Может быть, причиной послужили старинные романсы и вальсы, передаваемые по радио. И снова перед глазами проносились далёкие картины. Тихие летние вечера в Березнево под Ленинградом, прекрасное августовское небо, стрекотание кузнечиков, тёмный лес, дрожащие отблески далёкой зарницы, запах свежего сена... Куда всё исчезло?..

Невольно вспомнился Тургенев: я знал его стихотворение наизусть и в школьные годы даже читал со сцены.

„... Теперь зима. Мороз запушил стёкла окон...“

„... Как хороши, как свежи были розы!..“

Да, как хороши!

Зима. Это не зима в природе. Нет, больше. Это душевный холод, лёд на сердце.

Да и способно ли оно вообще чувствовать, любить?

Лишь иногда, теперь очень редко, я ощущаю в нём волнение. С чего же, спрашивается, волноваться? Кто заставит его учащённо забиться?

Не те ли девицы, с которыми мне приходится встречаться и видеть вокруг? Конечно, нет.

Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, теперь ещё я смог бы полюбить человека сильно, глубоко, на всю жизнь. А может быть, это и фантазия. Во всяком случае, может стать фантазией.

Кто виноват?..

Вечером 26 января должна была состояться очередная „картёжная встреча“ у Ириной подруги. Но по милости секретаря-машинистки нашей Спецконторы мне пришлось провести весь этот вечер за диктовкой.

Я всё же надеялся успеть на партию в „дурака“. Но стрелка часов упорно ползла вперёд, а текст приказа, который мы печатали на машинке, столь же упорно отставал от неё. Я диктовал, а внутренне злился и бесился. Но вот последняя буква отпечатана, а стрелка часов замерла на половине первого ночи. Я сунул приказ в стол и пошёл домой.

На небе слабо мерцали Волосы Вероники. Сириус переливался всеми цветами, но чаще голубоватым изумрудным. Как он красив!

По приходе домой хотелось чем-нибудь заняться. По радио передавали танцевальную музыку. Но разозлившись, я во втором часу ночи лёг спать...

На следующий день я испытал особенное волнение. Руководитель нашей Спецконторы Перминов вместе с начальником техотдела занимался приказом и вскользь заметил, что на моё место надо подыскивать человека, ибо так или иначе, но я через полгода уеду учиться. Откуда у Перминова такие сведения?

Тем не менее его высказывание навело меня на мысль, что сам начальник не будет препятствовать моему отъезду. После этих слов мне стало как-то не по себе. Мысль, поданная Перминовым, настойчиво лезла в голову. Учиться!

Может быть, это действительно возможно? Снова целая куча доводов „за“ и „против“. Какой хаос. За себя я не беспокоился, я был готов выдержать ещё пять лет лишений и трудов. Дело в сестрёнке Лине. Она уже училась в Челябинском строительном техникуме. Ждать мне ещё два года? Не будет ли цифра „28“ великовата для начинающего студента? Да и потом, за два года снова может что-нибудь произойти.

Или пора, наконец, свикнуться с мыслью, что учёбу надо оставить? Зачем калечить жизнь сразу двоим, когда можно её сделать по крайней мере сносной хотя бы материально. Если только подумать, как живут многие люди, то моя жизнь кажется раем. Светло, тепло, все удобства почти даром, весьма умеренное количество работы, возможность вечерами заниматься своим делом, тишина - кажется, что ещё остаётся желать?

Чего желать?! Цели и смысла!

В восемь часов утра я в Спецконторе, до пяти сижу там. Для чего? Чтобы отбыть неприятную повинность. Ни малейшего интереса к работе, никакого желанья.

Вечером я готов читать о Микеланджело, о Нансене, готов читать Энгельса, Хайне (Гейне) - что угодно, только не материалы о своём нормировании.

Практический человек покачает головой: к чему это знать, какие дома построил архитектор Баженов, а какие Старов? Зачем утомлять себя чтением до часу ночи и ломать голову над основами математики Лобачевского, если это не сможет принести никакой ощутимой пользы? Не лучше ли провести время, соснув лишний часок или заняться разрешением вопросов насущной жизни? Я уже не раз замечал этот вопрос на лицах некоторых моих редких посетителей: потому-то, видимо, они так редки.

- Почему ты не садишь картошку? Что ж ты ешь?

Странно! Действительно, некоторым ещё неясно, что человек может существовать и с полупустым желудком.

„... Чтобы быть сытым? Человек выше... Человек выше сытости!“ - восклицает Сатин в пьесе „На дне“. Пусть эти слова будут для него скорее самоутешением, но в них скрыта и доля правды.

Да, человек может быть выше сытости! Именно потому, что он человек. Я вспомнил такого человека. Это была Наталья Фёдоровна Ольденбург. Она была руководителем нашего театрального кружка в Ленинграде. И это было редкое сочетание руководителя, воспитателя, режиссёра и Человека. Как она умела организовать наш коллектив, как чутко относилась к каждому из нас! И умерла с голоду в блокаду...

А теперь я хочу обратиться к строкам своего дневника, который я в то время вёл. Мысли об Ире не отпускали меня. Но между нами незримо стояла фигура Сергея, у матери которого по большей части и происходили наши с Ирой встречи...

Вот подлинная запись от 28 января 1947 года.

„Удивительный Вы человек, Ирина Алексеевна!

Прошло всего несколько месяцев после нашей первой встречи, а Вы сумели добиться получения всех моих дневниковых записок, включая и эту последнюю тетрадь, которую я Вам завтра передам.

Дело, конечно, не в Вашей настойчивости. Вы припоминаете, что я принёс первую тетрадь без какого-либо напоминания с Вашей стороны.

Может быть, Вы обратили внимание и на порядок, в котором я их Вам приносил. Он не случайный, конечно. Первые из записей носили характер более общий, если хотите. В последних были записи несколько иного содержания.

Почему же я даю их Вам, тогда как я вообще не намеревался давать их кому-либо?

„Не мечите бисера перед свиньями...“ - говорит старое изречение.

Вряд ли эти строки всякий найдёт бисером, но мне они дороги. Дороги потому, что с ними связано много хороших воспоминаний и много тяжёлых. Они одинаково дороги мне.

Я же знаю, что не всякий может меня понять, лучше сказать, таких людей немного. В этом причина.

Ещё во время нашей первой встречи я понял, что Вы человек иного склада, не такая, каких я прежде встречал. И я не ошибся. Последующие встречи меня в этом убедили.

Как видите, благодарить меня за эту тетрадь, так же как и за все прошлые, Вам не приходится: благодарите себя.

Не знаю, много ли интересного Вы здесь найдёте и уже нашли. Опять-таки пеняйте на себя. Ваше желание исполнено.

Однако, слова я не сдержал: тетрадь осталась незаконченной. Если Вы испытываете желание, могу Вам это предоставить“.

7 февраля я проставил в свой дневник дату, но не знал, о чём и зачем писать. Да просто, чтобы не спать. Я дежурил. Пытался вздремнуть, да где уж там! То телефон, то ещё что-нибудь. Откровенно, я не ждал в тот день дежурства. Только что лёг дома в постель, как меня подняли и вызвали в Спецконтору. Что ж, завтра буду спать целый день.

Спать! Как мучительно иногда хотелось спать!

Я помнил ночи, которые я проводил в конюшне на Финской войне, дневал у лошадей. Спал почти под открытым небом на 20-ти градусном морозе и просыпался с окоченевшими руками и ногами. Да, это был сон!

Или спал на манёврах в кузове грузовой машины, идущей ночью по чёрт знает каким ужасным дорогам.

Спал в сыром болоте в ожидании эвакуации из района военных действий с оборонных работ под Ленинградом и, просыпаясь, чувствовал, как туман не только холодными каплями осел на одежде, но и проник вовнутрь, пропитал меня насквозь.

Я помнил и совсем недавнюю работу в ночную смену на буровом станке, когда к утру засыпал, буквально стоя на ногах с рычагом в руке - а станок работал, буровой снаряд крутился и уходил вглубь в землю...

Как приятна была в такие минуты мысль о тёплой постели где-то дома! Как завидовал я тогда счастливым, спящим под тёплым одеялом на мягкой подушке!

И где только мне ни приходилось спать! На грязном полу с противоголовок под головой вместо подушки, на вшивых нарах, в опилках под лесопилкой, на крыше сарая, на каменной лестнице в зимние морозы, в трясуемом товарном вагоне, на столе и под столом, на морозе и под палящими лучами солнца, лёжа и сидя, стоя и на ходу...

9 февраля Ира возвратила мою последнюю тетрадь. Я был уверен, что последние её страницы заполнены, и потому торопился домой, как никогда, хотя и говорят, что любопытство - порок.

На следующий день во время перерыва я слушал передачу о Пушкине. В частности, говорилось о вдохновении. Должен сказать, что не только большие вещи, но также и подобные дневники тоже пишутся под вдохновением.

Хотя накануне у меня было такое настроение-вдохновение, однако, писать я почему-то не стал. А теперь, несомненно, запись получается бледнее. Тем не менее, я записал в своём дневнике следующее:

„Ира пишет о правдивости. Я стараюсь писать правдивее. И не только писать - важно правильно разобраться в своих мыслях и не лгать себе.“

Она снова говорит о Сергее и спрашивает, почему я не хочу дать отзыва о нём? Да, действительно - почему?

Уместно задать ещё несколько вопросов: почему при разговоре о Сергее я чувствую себя подобно карманнику, запускающему руку в чужой карман; почему, когда говорят, что Ира и Сергей должны пожениться (кстати, отчего это повторяется при мне уже несколько раз?), мне хочется смутиться и я начинаю ёрзать на стуле, для чего-то достаю носовой платок, начинаю сморкаться и с нетерпением жду, когда разговор перейдёт на другую тему? Почему?

Я мало знаю Сергея? Чушь! Того, что я знаю, вполне достаточно, чтобы сказать, что он произвёл на меня хорошее впечатление сразу с первой встречи.

Есть ещё один довод, очень веский - отношение Иры к нему. Плохой человек ей понравиться не может, в этом я уверен. Значит, о Сергее я ничего плохого сказать не могу. В чём же дело?

Тут я себя ловлю на чувстве, не имеющем под собой никакой даже основы, на чувстве, напоминающем ревность, даже зависть, пожалуй.

Ира пишет, что я для неё больше, чем хороший знакомый. Мне кажется, что и она для меня - тоже. Никогда я ещё не ждал с таким нетерпением встреч даже с самым хорошим знакомым дважды в неделю.

Нет! Конечно, это не просто хороший знакомый. Кто же тогда?

Теперь я напоминаю канатоходца, которому грозит каждую минуту сорваться со своего зыбкого пути, называемого правдивостью. Либо уверенный шаг вперёд, либо сорваться в лживую пустоту.

Смелей, милейший! Трусость ещё больший порок, чем любопытство!

Извольте! Да, Ира мне нравится с первой нашей встречи. Слишком мало я встречал подобных девушек. Слишком много в ней сходства с тем идеалом, который я создавал в своём воображении в эти годы.

Больше восьми лет тому назад я встретил Мэри. Тогда я потерял голову окончательно и бесповоротно и тогда любовь одержала верх над разумом, хотя борьба их продолжалась постоянно, с первого объяснения и до последней встречи.

Теперь, мне кажется, разум занимает главенствующую роль. И на этом пока поставлю точку“. У Иры есть Сергей.

15 февраля наступил долгожданный weekend, выражаясь по-английски. Не надо забывать, что в то время у всех была шестидневная рабочая неделя с одним выходным днём. Одно из воскресений мне пришлось работать: был конец месяца. А прошлое - весь день проспал после бессонной ночи на избирательном участке. И только теперь я мог вполне отдохнуть.

Вытопив после работы печь, решил вздремнуть. Все вечера до этого было много работы, так что я разрешил себе бездельничать.

Часов в 11 вечера встал. Все уже спали. Наступало моё самое любимое время, когда никто не мешает и можно спокойно заниматься своим делом.

Почитал „Огонёк“, потом достал дневник. Снова открыл записанные страницы и бегло пробежал некоторые записи. Вот и последние страницы. На меня пахло запахом духов. Дневник только что читала Ира.

Этот нежный запах напомнил мне комнату Мэри Иммертрей; вечное перо, подаренное ею: так в те годы назывались автоматические ручки. Само слово „автоматическая ручка“ возникло уже позже. Вечное перо долго ещё потом распространяло лёгкий приятный аромат, как только я брал его в руку. Письма одноклассницы Любы Горьковой из Ленинграда, всегда пропитанные тем же запахом, так что даже сестричка Лина подтрунивала надо мной, когда я разворачивал эти письма.

Долго ещё вечное перо напоминало своим запахом о любви, долго ещё письма в моём ящике говорили о Ленинграде, о другой далёкой любви той, которая мне их слала.

И вот прошли годы, и испарились нежные духи... Такова же судьба и этих последних страниц моего дневника.

Но сейчас я перечитывал их уже десятый раз, стараясь прочесть в них не только то, что в них написано, стараясь читать между строк и...

Завтра я опять буду у Анны Петровны, опять должен увидеть Иру. Снова буду слушать её, буду сам говорить что-нибудь, а того, о чём хотелось бы говорить, опять не скажу.

Радио замолчало. Два часа ночи. Не лечь ли спать?

16 февраля я шёл домой не торопясь. То, что я только что сказал Ире, вывело меня немножко из колеи. Я рассказал ей о некоторых деталях моей жизни в армии, о спецслужбах, т.е. о том, о чём говорить не имел права.

Я очень волновался, Ира думала, возможно, что мне просто холодно. Поэтому я шёл домой и прохлаждался, остывал от волнения. А придя, выкурил две папиросы и несколько успокоился.

Да что же со мной творится? Иры не было прошлый раз, чтобы не казалось, что она ходит к Арзамасцевой из-за меня. Злые языки уже успели пустить подобный слух. Боюсь, что найдутся добряки, которые сообщат об этом Сергею.

Что же я делаю? Зачем?

Помню, как в конце „Тамани“ Печорин сожалеет, что нарушил мирную жизнь честных контрабандистов. Зачем?

Не похожу ли я теперь на того же Печорина? Обо мне могут говорить что угодно. Я абсолютно ничем ни с кем не связан. Проводил же я прошлые годы и лета с кем мне хотелось. Ходил же я куда вздумается. Танцевал с кем угодно. Меня не интересовало, что обо мне думают или говорят. Так же и теперь.

Но Ира. Тут вопрос иной. Как я должен поступить? Честно. Выбросить из головы всё, перестать ходить „по расписанию“ к Анне Петровне, прекратить выбирать случайные дни, не стоять с Ирой у парадной...

Но хватит ли у меня сил для этого? Нет. Я не могу этого сделать. Может быть, не хочу. Но к чему это всё приведёт? Вот это и значит - зайти в тупик...

Тем не менее до начала марта 1947 года я продолжал посещать Арзамасцеву в те же дни. Всё текло тем же путём. Никаких Печоринов и контрабандистов...

Но при всём этом были любопытные случайности.

Случайно мы встретились с Ирой в Горсаду и случайно познакомились. Случайно оказалось, что Ира хорошо знакома с Арзамасцевыми. Случайно я был назначен ответственным за похороны Ивана Николаевича Арзамасцева. Случайно же мы ходили на кладбище, выбирая место для могилы.

После похорон мы случайно посещали вдову Анну Петровну в один и тот же день. Потом случайно встретились на лекции. Далее во время торжественного заседания по случаю Международного Женского Дня. А сегодня случайно встретились на Ленинской и вместе пошли в кино.

Теперь спрашивается, найдётся ли случайно среди наших общих знакомых и знакомых Иры, который поверит во все эти случайности?

15 марта я опять торчал в Спецконторе на дежурстве. Ужасно хотелось спать. Стрелки часов медленно доползли до трёх часов ночи и так же медленно поползли дальше, а спать было нельзя... Что же я мог ещё придумать? Начал было заниматься музыкальными упражнениями. Хотел вспомнить знакомую мелодию вальса Лекокка, которую ещё вечером передавали по радио. Долго не удавалось. Наконец, поймал начало, потом конец. Принялся записывать, но с серединой что-то не клеилось. Пришлось бросить.

Тянул вполголоса разные арпеджио. Тоже надоело.

Выкурил последнюю папиросу и положительно не знал, что делать.

Все спали. Стояла удивительная тишина. Вдруг в голову пришла мысль: не заняться ли мне сочинением стихов? Нет, эта область искусства для меня тоже дремучий лес. То получалось либо а ля Пушкин, либо Некрасов, то Маяковский. Подражать - ещё не значит писать.

Прошёлся по двору, проведаль сторожа, зашёл в мех-цех и снова сидел в помещении Спецконторы. Четыре часа утра. До конца дежурства оставалось ещё целых четыре часа...

В тот же день после того, как я отоспался, пошёл на танцы, ибо последнее время меня почему-то тянуло сходить туда, но несколько раз мне это не удавалось.

„Не ищи её в блестящих театрах, балах, „в свете“. Нет их там...“. Хочется добавить: „... и не на Копейских танцах“.

Где-то в записях, касающихся моих увлечений пьяными вечерами, у меня было записано: „Если это не последний раз, то один из них“. Предсказание сбылось. Теперь следует применить его и к танцам. Что же дало мне это посещение? Ничего. Абсолютно ничего, кроме какого-то горького осадка.

Все, почти все эти лица танцующих и сидящих, и стоящих вдоль стен мне давно знакомы. Лично я мало с кем знаком и знакомств этих не искал. И в большинстве случаев мне либо противно смотреть на них, либо жаль, либо просто безразлично.

Представители мужского пола почти все „навеселе“ или попросту пьяны. Девушки раскрашены. Тут же группа базарных жуликов и подозрительных субъектов. Среди них трезвых вообще нет. Один тип, еле держась на ногах, шнырял по залу и неуклюжими движениями пытался залезать в карманы.

Вот девица, некогда довольно симпатичная, да и сейчас внешне мало изменившаяся, пробирается к выходу с папиросой в руках. Жаль, пропал человек.

Вот девушка, которая ещё летом приходила в Горсад с молодым человеком, производившим на меня впечатление довольно порядочного, не отходит от своего пьяного партнёра и, видимо, вполне им довольна.

В порядочности его я весьма сомневаюсь. Что ей надо от него? То, что ему надо - для меня слишком ясно. Но зачем же она цепляется за его рукав? Чего она ждёт?

А вот и девушка, появившаяся здесь недавно. Черты её лица с первой встречи врезались мне в память своей приятностью, какой-то особой точностью. Она весь вечер кружится с одним партнёром. Но и он не внушает мне особого доверия. „Берегись его, красавица!“ - хочется шепнуть ей.

Но колесо уже закрутилось, молодость торопится „взять от жизни всё“. Вертись, крутись, дави под собой, эту молодость! Быть может, кто-нибудь с сожалением вспомнит ещё о ней. А другие так и будут без конца вертеться в этом колесе и, чувствуя его остановку, подгонять его снова и снова, пока оно для них не остановится наконец...

Для чего, спрашивается? Для чего?

Я танцевал мало, да и что за удовольствие танцевать, молча глядя через плечо своей партнёрши? Ведь не излагать же ей своих мыслей? Пожалуй, подумает ещё, что имеет дело с легко помешанным. Говорить же ей пустые пошлые слова, какие здесь чаще всего говорят, не испытывал ни малейшего желания.

Сейчас в Копейске есть только один человек, с которым я могу быть совершенно откровенным. Это Ира. Да и она скоро – после свадьбы – собирается уехать.

Что же тогда? Снова совершенно замкнуться в своей личине? Надолго ли? Что же это за жизнь? Придёт ли ей конец?

Но вот наступила весна. Страною вечной весны называют Гавайские острова. Весна - это нечто особенно прекрасное, это возрождение природы, это жизнь, это всё, что хотите - только не Копейский апрель.

Какое это ужасное время года здесь! Грязь, грязь и грязь! Грязь на улицах, навоз у домов, горы непролазной грязи всюду, куда ни обратишь взор.

Известный датский исследователь эскимосов Расмуссен видел эскимосских детей, весело барахтавшихся в ледяной воде только что вскрывшейся реки. Дети эти радовались наступлению весны. Они были счастливы.

Расмуссен слышал весёлое пение эскимосов после сытного обеда, сидевших под проливным дождём в полурастаявшей снежной хижине.

Что переживал бы такой эскимос, если бы его посадили в „Дуглас“, отправили в Нью-Йорк и поместили бы в первоклассном отеле? Что, если бы ему пришлось там остаться? Несомненно, ему бы это было нелегко. Но эскимос привык бы.

Теперь представим себе европейца, проведшего жизнь в большом городе и переселившегося в снежную эскимосскую хижину в Гренландии.

Боюсь, он почувствовал бы себя гораздо хуже, да и сумел бы он вообще прожить в тех условиях? Сомневаюсь.

Человек гораздо легче привыкает к лучшему и забывает худшее. Всякое же ухудшение воспринимается куда как тяжелее.

На нас, пришельцев из городов, кое-кто из местных старожилов-копейчан смотрит, как на особого рода хвастунов, людей, что-то воображающих из себя. Подумаешь, мол, явились недотроги, неженки; небось, дома тоже не в масле катались.

Несчастливые эскимосы, где же вам понять, что может быть лучшая жизнь, что даже та, далеко не богатая и даже средняя жизнь, какою я жил в Ленинграде, в сотни раз лучше

прозябания „по локти в масле“ в ваших нищенских лачугах! Вечно вам копать в грязи и навозе, среди угольной копоти и куч золы.

- Вы думаете, у нас не было до войны вдоволь хлеба и что нам не привозили летом виноград?

Да разве жизнь состоит из хлеба и винограда? У вас, дорогие мои копейчане, и до войны была такая же грязь, вы так же забаррикадировывали свои окна ставнями и по воскресным дням валялись пьяными в канавах. Вы и до войны ничего не читали и кроме кино ничего не видели.

- Вам не понравился новогодний маскарад? Конечно, где уж нам!

Разумеется, прелесть новогоднего маскарада зависит не только от количества конфетти и серпантина.

Жизнь наша слагается из тысячи разных мелочей, к которым мы с детства привыкли, и когда их недостаёт, мы слишком хорошо это ощущаем.

В один из апрельских вечеров я просмотрел новый фильм „Во имя жизни“. Хотелось с кем-то поделиться, но с кем? Таким человеком могла бы быть Ира, но не мог же я идти прямо к ней. И я решил пойти к Анне Петровне.

Придя к Арзамасцевой и рассказав содержание картины, я почувствовал что-то вроде облегчения и только после этого пошёл домой.

И опять несколько новых случайностей. Накануне Первомая, идя вечером к Анне Петровне, на Ленинской встретил Иру. Случайно. Во всяком случае, можно поверить.

На следующий же день наша встреча даже мне самому показалась не случайной. Действительно. Часов около 12-ти или немного раньше я пошёл посмотреть на демонстрацию. Но было ещё рано, колонны только подтягивались к месту сбора.

Прошла шестая школа. Ученики несли волейбольный мяч и сетку. Я заметил это и в мыслях решил, что после демонстрации, возможно, поиграю.

Через некоторое время я вторично вышел на Ленинскую и попал к шапочному разбору: демонстранты расходились.

Я направился по Ленинской к 6-й школе. Рассматривал встречных, здоровался со знакомыми. С кем-то разговаривая, стояла Арзамасцева. Я остановился ненадолго, потом продолжил свой путь. Навстречу мне попались подруги Иры. Я снова остановился. Посоветовал им сходить вечером во Дворец Культуры и пошёл дальше.

Вот и 6-я школа. За заборчиком бегали ребятишки, но в волейбол не играли. Я нашёл это досадным и свернул на улицу Борьбы, намереваясь пройти ко Дворцу, и тут... встретил Иру.

Трудно придумать более случайную встречу, но гораздо легче представить, что она заранее договорена. Вот как она выглядит с иной точки зрения.

Я иду один по Ленинской, рассматривая встречных (кого-нибудь ищу!!). Останавливаюсь с Арзамасцевой. Рассеянно (!) говорю ей пару слов (она разговаривает с какой-то старушкой и их разговор меня мало интересует, потому я не вслушиваюсь в суть дела, а продолжаю смотреть по сторонам). Иду дальше. Снова останавливаюсь с подругами Иры, говорю с ними очень мало (тороплюсь!!!) и иду дальше (говорить мне, собственно, с ними не о чем).

И наконец, встретив Иру, возвращаюсь с ней назад (с ней вернулся, а с Арзамасцевой или с кем-нибудь иным не стал поворачивать!!).

Кто же поверит, что я вернулся бы также с любым из моих первых повстречавшихся, если бы встреча произошла у пустого волейбольного поля школы № 6?

Однако, что же я хочу доказать? Почему же в конце-концов встречи наши не могут быть и не случайными? Что ж такого плохого?

Дело в том, что, очевидно, простых дружеских отношений между различными полами по мнению большинства существовать не может. Достаточно молодому человеку показаться несколько раз где-то с девушкой, как „общественное мнение“ начинает шептаться по углам и изощряться во всякого рода выдумках.

Действительно, большинству совершенно недоступно понимание того, что человеком может управлять что-то иное, нежели только животная страсть под разными соусами.

Ранняя половая жизнь, попросту распущенность, свойственна современной молодёжи. Да и не только современной. Разница лишь в форме. Закрылись дома терпимости, отменены билеты. Объявлена ещё большая свобода.

Интересно, что раннюю половую связь даже в дореволюционную эпоху в больших домах считали вполне нормальным для мужчины явлением, даже больше - необходимым для нормального здоровья и развития. Отсюда разные подставные „горничные“ из боязни, что сынок найдёт менее безвредный объект, отсюда ранняя беспутная жизнь даже лучших героев Толстого (Пьер, Левин, Нехлюдов).

Странно на личном опыте убедиться, что развиваюсь я не менее нормально других и на здоровье не жалею и не нуждаюсь ни в подставных „горничных“, ни в чём-либо ином в том же духе.

Для себя не мыслю иных отношений, как дружба, честная, простая, которая может закончиться женитьбой, но может остаться и просто дружбой.

Но много ли людей имеют такие взгляды? Думаю - нет. По крайней мере, не находил.

Майские праздники прошли вполне нормально: потанцевал, поиграл в волейбол, выспался, водки не брал в рот ни глотка, чем особенно был доволен.

А 7-го мая, когда мы в очередной раз были у Арзамасцевой, произошёл крупный спор с Ирой. Тема: астрономия как наука, её значение и точность её методов.

Результат спора: установление недостаточности наших научных познаний не только в астрономии, но и в других науках.

Отсюда и характер спора - нечто вроде средневекового диспута, где спорящие рассчитывали больше не на знание и логичность, а на ораторские и даже физические способности.

Стараясь выгородить свои взгляды, я умалял значение и искажал взгляды противника, что говорило только о собственной же беспомощности. Да и сам по себе спорный вопрос был поставлен слишком неясно, а когда он наконец сформулировался, оказалось, что спорить-то не о чем.

На упрёк астрономии в неточности следовало бы привести пример открытия Нептуна, достижения небесной механики, проверку времени.

Однако, спор несомненно принёс пользу и мне, и Ире. В этом отношении Калинин прав, говоря, что хороший спор развивает человека. Умно спорить полезно.

Через несколько дней, выходя от Анны Петровны, мы долго ещё разговаривали с Ирой у подъезда. Она уже несколько раз повторяла, что знакомство со мной принесло ей немалую пользу. Но разве не происходило и обратного? Разве мне оно не принесло и не приносит пользы?

Что значит жить в самом себе? В чём цена знаний, если они остаются достоянием одного человека? Да в чём же наконец смысл жизни? Ведь не в том же, чтобы сидеть, замкнувшись в своей личине бесстрастным созерцателем происходящего? К чему это приводит? Не к эгоизму ли, замкнутости, отупению чувств?

Выход: общение с людьми, критическое отношение прежде всего к себе, работа над собой. Два года, а может быть, несколько больше тому назад я восклицал, бия себя в грудь: „Вот плод несчастного воспитания! Вот ни на что не способный калека! Обломов! Пропавший человек!“. А мне из Ленинграда отвечали письма одноклассницы Любы Горьковой: „Я верю в твои способности, я верю в тебя. Работай над собой!“.

И мне кажется, что писавшая эти строки осталась бы мною довольна, если бы хоть раз удосужилась написать мне теперь. Она перестала писать, но в лице Иры я видел её продолжателя.

Мой дневник! Мой друг! 17 мая я снова обратился к тебе, ибо к кому же мне ещё обращаться? Ты единственный свидетель моих хороших и плохих настроений. Сколько раз я брал тебя в руки, перелистывая исписанные листы, пробегал глазами знакомые строки и читал их и между ними. Долго ли ещё я буду поверять свои мысли тебе?

Сегодня я вторично смотрел „Солистку балета“. Что мне в ней так нравится? Почему она так близка мне? Может быть, оттого, что действие происходит в Ленинграде, может быть, оттого, что Озеров говорит то, что думаю я?

Я, как и он, согласен, что никакой ливень не способен остановить ленинградца после долгой разлуки с родным городом.

Мариинский театр, Адмиралтейский шпиль, Нева, Кировский мост, Летний Сад – сколько чудесных мест, какая красота! Какой простор для мысли, сколько возможностей учиться! Но не для всех...

Герои фильма Алёша и Наташа любят друг друга. Они близки друг другу. Они оба посвятили себя искусству, искусству большому, творческому. И они несомненно счастливы...

Писал эти строки, а по радио передавали первое действие „Евгения Онегина“. Началась вторая картина: письмо Татьяны. „Ах! Няня! Няня! Я страдаю, я тоскую!..“

Какая музыка!! Какой талант! Я был готов записать всю эту музыку прямо в дневник, но музыку нельзя выразить словами, как нельзя только словами выразить душевных переживаний Татьяны. И я бессилён.

Я нормировщик. Моё дело двигать линейку и щёлкать на счётах. Куда Вы лезете, молодой человек? Посторонним вход воспрещён!..

А вот нате! Хоть и нормировщик, а чуточку Чайковского записал!

Сколько раз я пытался выбить из головы мысль об учёбе и тем назойливее она возвращалась. Да и как жить, не учась? Неужели я не в силах сделать то, что делают многие из моих товарищей по школе?

Ближайшая передо мной задача была выдержать ещё минимум два года. Но правительство имело иные планы: втихаря готовился Указ 1948 года, о чём я, конечно, тогда не подозревал.

„Мечты, мечты, где ваша сладость!..“

Дневник мой в то время постепенно стал приобретать совсем новый оттенок. Вначале это было просто слабое подражание дневникам: большинство великих людей вели дневники. Я хотел поступать также. Но вскоре это наскучило.

Потом последовало несколько литературных опытов, некоторое подобие воспоминаний. Большею частью это были короткие описания некоторых событий из жизни, даже типа рассказов, ряд каких-то выводов.

Позже на свет появилось и кое-что лирическое.

Но что бы то ни было, дневник мой предназначался для одного читателя - для меня одного. Однако, с тех пор, как я встретил Иру и дал почитать ей первую тетрадь, со старой традицией было покончено.

Теперь я уже точно знал, что всё написанное мною пройдёт через её руки.

Эта девушка выбила меня из колеи. А может быть, и наоборот, – вернула на путь, на мой путь.

Время от времени мне даже становилось немного не по себе, когда я думал о возможных последствиях. Может ли выйти что-нибудь путное из этого или нет?

Весь месяц май 1947 года я довольно часто виделся с Ирой. Разумеется, случайно. Сплошные случайности! Честно говоря, в это уже никто не верил.

В один из дней я пошёл к Арзамасцевой довольно поздно. Что я встречу Иру - я вовсе не думал. О какой-либо договорённости не могло быть и речи. Велико же было моё изумление, когда я всё же застал её у Анны Петровны. Только потом, при расставании, мне всё стало ясно: она обязательно хотела меня увидеть.

Накануне, по её словам, она сделала большую глупость. Что именно - я не знал, но предчувствовал, что ответ получу завтра, в крайнем случае, послезавтра по почте. Возможно, что это стихотворение. А „глупость“, наверное, заключена в содержании. Это как раз и было причиной её посещения: подготовить меня. Произошло ещё одно весьма интересное обстоятельство: в разговоре Ира вдруг назвала меня „Робик“! Я чуть со стула не соскочил, настолько неожиданным прозвучало это обращение.

На мой взгляд, и Ира лучше бы сквозь пол провалилась. Ну, такого знакомства у меня ещё в жизни не было. В разговоре мы называли друг друга на „Вы“, даже когда мы были совершенно одни. А тут – на тебе, пожалуйста! Такая ласка в обращении! Что только подумала Анна Петровна – могу себе представить.

26-го мая мне вручили так называемую „глупость“ Иры. Глупого ничего не нашёл, кроме того, что письмо было незапечатано и тем самым передававший мне его парторг, судя по его виду, имел возможность его вскрыть и прочесть. Конечно, его суждение о „глупости“ могло быть несколько иным, чем моё.

Я, собственно и ожидал что-то подобное. Это было поистине изливание души, обуреваемой „ураганом мыслей и всяких чувств“. Когда я перечёл его несколько раз – а было около десяти часов утра - я тоже был несколько взволнован, что не смог дождаться перерыва, чтобы уйти на час из мира процентов, надоевших расценок и норм.

„Я сама с трудом разбираюсь в урагане...“ и т.д. А я? Я, спрашивается, разбираюсь? Может быть, попробовать сначала?

Случайная встреча и знакомство. Случайность здесь неопровержима.

Далее ряд бесконечных случайностей. Но случайны ли они? Посторонний наблюдатель вряд ли в них верит. Верил ли я? Нет.

Разве нельзя искать случай? Я его искал. Думаю, что не только я. И справедливо, „кто ищет, тот всегда найдёт“.

Если вдуматься глубже, то и первая встреча не случай, а скорее необходимость. Разве я и до этого не искал? Я искал и нашёл.

Передо мной листок, исписанный „в минуты душевной слабости“. А сколько раз у меня бывали такие минуты? Сколько подобных писем я готов был написать?

Но я не написал ни одного. Почему? Мне кажется, с моей стороны это было бы просто преступно. Меня сдерживал Печорин со своими контрабандистами. Он и сейчас стоит передо мной... Иногда мне хочется представить себя на месте Сергея. А это нетрудно: я бывал в подобной обстановке в подобных обстоятельствах, когда ждал писем от любимой Мэри Иммертрей.

Первый раз в 1939-41 гг. - на стороне финского правительства Отто Куусинена на Финской войне и последующей службе в рядах Красной армии - я „героически“ прошёл сквозь все испытания. Почему? Потому что я жил надеждой на благополучный исход, а надежда исходила, поддерживалась любовью из далёких писем ко мне в армию. Каждое из них приносило облегчение, утешение и желание, страстное желание жить и жить! Это были лучи света в тёмном царстве - письма Мэри.

И вот лучи эти погасли. Стало темно: в 1942 году семья Мэри эвакуировалась в Нижний Тагил. Так зачем же мне являться чем-то вроде разрушителя, может быть, счастья людей, тем более, что разрушить гораздо легче, чем создать что-либо новое...

1 июня я надумал совершить „глупость“ несколько большую, чем Ира, ибо она поведала её лишь на одном листке, а же - в целой тетради: ... я отдал Ире свою последнюю тетрадь

Нужно ли было это делать? Я думал, что следующая встреча даст на это ответ. Мне следовало бы ещё поработать, но расстались мы с Ирой настолько поздно и настроение было настолько нерабочим, что в Спецконтуре я не пошёл.

Спать не хотелось. Сидел и курил. А мысли переплетались в голове, лезли одна на другую и упорно не хотели уgomониться. Чтобы я отдал за то, чтобы перенестись в комнату Иры и присутствовать при чтении моей галиматьи! Но это была фантазия...

Долгими показались мне эти два дня! Но ведь и они прошли, как проходили целые годы... Нет! Я даже писать в тот день не смог! Я должен был знать, что она мне ответит. Скорей бы среда! Нет! Я хотел знать раньше! Завтра.

Но ни завтра, ни послезавтра у меня не было времени. В конце-концов, я мог бы как-нибудь придумать увидеть Иру. Не начинал ли я походить на помешанного?

4 июня Ира возвратила мне тетрадь и, как я ожидал, с письмецом в придачу. Содержание его не было большой новостью для меня. Я уже чувствовал, что должно было быть именно так.

В воскресенье Ира придти не могла. Это раз. Второе: в разговоре она обещала Анне Петровне 5-го июня быть у неё. Заметив это, я решил быть непременно. Кстати, выкупил продукты Арзамасцевой; однако, пошёл бы и без них.

Я пришёл сравнительно поздно. Как и ожидал, Ира была там. Она ждала меня, как потом оказалось, очень давно, чуть ли не с семи часов. Первое время она очень волновалась – это я чувствовал.

Вечер был довольно прохладный и грязный, но мы прошли на Ленинскую и долго бродили по ней.

В воскресенье Ира принесла тетрадь своих стихов и снова к ней была приложена записка.

Кажется, в пятницу я заметил, что идёт новая картина и надумал сходить в кино. Уже с самого начала хотел идти с Ирой, но погода была дурацкая. Хотя и было тепло, но шёл дождь.

Пошёл к Арзамасцевой с хлебом. Немного вымок. Думал, что возможно застану и Иру, но её не было. Анне Петровне сразу же сказал, что собираюсь в кино.

Если бы я сказал, что зайду за Ирой, то, конечно, пошёл бы. Но умолчав об этом сразу, решил потом, что будет как-то неудобно, вроде секрета, что ли.

Когда же Анна Петровна сама посоветовала мне зайти за Ирой, я с радостью ухватился за её предложение, хотя внешне колебался и не решался. В кино сходили.

Во вторник погода была чудесной. Вечером играл в волейбол, а в 10 пошёл к Арзамасцевой с хлебом, решив зайти за Ирой и прогуляться вечером в Горсад, что и сделал. Бродили с Ирой долго, разошлись во втором часу ночи.

Я стал походить, слишком походить на влюблённого, а так как я не влюблён - сие ясно как день (впрочем, для кого как) - то это глупо. А раз глупо, то... То лучше лечь спать.

Последующие дни проходили очень одинаково; сказать „однообразно“ - будет не совсем точно, ибо понятие „однообразно“ чаще расценивается как „скучно“, а о скуке речи быть не могло.

Приходя с работы, ложился спать, потом играл в волейбол, а вечером всякими правдами и неправдами встречался с Ирой.

В воскресенье пошёл на выпускной вечер в 5-ю школу. Он закончился в два часа ночи. Пока провожали с Ирой друг друга, окончательно рассвело. Домой пришёл в четвёртом часу. Не надо забывать, что коли я жил на квартире у главного инженера Спецконторы, то приходиться домой утром через дверь и нарушать покой хозяев мне было неловко. Поэтому я не запер форточку в своей комнатке и домой попадал с улицы, взобравшись на подоконник и пролезая в форточку.

Внезапно установившаяся тёплая погода действовала поистине губительно. Пора было, кажется, браться за ум, и так уже говорили, что я основательно похудел.

Усталость чувствовалась особенно на работе. Да и вообще всякое удовольствие, всякое развлечение только тогда и хорошо, когда оно в меру. Чтобы я ни писал, а проводить время с Ирой доставляло мне особое удовольствие. Не увидев её день, я уже искал новой встречи с ней. Мне чего-то недоставало. Любопытно.

К 1-му июля отношения с Ирой либо получили окончательную ясность, либо совершенно затуманились. Пока оставил вопрос открытым.

8 июля после долгого перерыва заговорило радио. Передавали музыкальную композицию „Иоганн Штраус“. Звуки чудных вальсов Ланнера и Штраусов как-то особенно успокаивающе действовали на меня. Хотелось забыть обо всём. Я думал, что завтра, видимо, увижу Иру в последний раз перед её отъездом в пионерлагерь. Я был спокоен. Даже, может быть, слишком - пусть едет. Что же с того, что она хорошая девушка? Разве это должно меня касаться?

В самом конце июля, как я и ожидал, из лагеря приезжала Ира. Она дважды ждала меня у Арзамасцевой, но я не заходил.

2-го августа я был у Анны Петровны, и неожиданно пришла Ира. Разошлись мы поздно. Не знаю, но мне почему-то стало легче на душе. Всё же мы очень сблизились с ней. Порой мне казалось, что мои отношения к Ире слишком ясны. А потом они снова теряли ясность, как и сегодня. Почему я был так рад встрече с ней? Почему, в конце-концов, я не объяснил ей этого? Сергей написал ей письмо весьма интимного содержания. Не объяснение ли? А может быть, и больше?

Да что это меня так беспокоит? Зачем я опять суюсь не в своё дело?

Осенью в Копейск на гастроли надолго прибыл Магнитогорский Драматический театр. С ним прибыли и новые люди. В труппе была молодая артистка Клава. Не исключено, что именно в этом театре была актрисой Ирина тётя. Ира рассказала мне кое-что о Клаве. Я видел её не раз в обществе одного из завсегдатаев копейских танцев Вильки, соседа Иры по дому. Он был примерно моего возраста.

В ноябрьские праздники, встретив Клаву на танцах одну, немного с ней побеседовал. Остался очень доволен. Потом, с приходом Вильки, отошёл от неё.

Ира рассказывала, что после этого Клава относится к Вильке менее благосклонно, а обо мне отзывалась лестно.

На смотр самодеятельности во Дворец Культуры я попал после бессонного дежурства и столь же бессонной поездки в Челябинск. Клава была там же. Она сидела впереди меня и меня не видела. Только когда она случайно обернулась, мы поздоровались. После этого я заметил, что она довольно часто оборачивается в мою сторону. В один из перерывов она подошла ко мне, а потом я пересел к ней.

После окончания смотра я проводил её домой. Хотя и не было холодно, меня пробирала какая-то нервная дрожь, на что обратила внимание даже моя спутница.

Да, братец, дело неважное! Дрожь нервная! Признак ненормальный!

Магнитогорский театр ставил среди других вещей и пьесу „Константин Заслонов“. Главную роль исполнял актёр-немец, фамилию которого я, конечно, не помнил. Но это был актёр из числа ведущих и почитаемых в театре.

После вторичного просмотра спектакля „Константин Заслонов“ – а я практически не пропустил почти ни одной постановки – я вручил ему книжку из моей библиотеки „Константин Заслонов“ с дарственной надписью.

Клава, фамилию которой я тоже теперь не помню, к выдающимся актрисам не принадлежала. Это была просто симпатичная молодая девчушка, которую приняли на исполнение второстепенных ролей, главным образом, возможно, из-за внешности. Но в театре она проработала недолго.

1 декабря дрожь прошла, но признаки ненормальности - ещё нет.

В субботу был на танцах, встретил там и Клаву, танцевал преимущественно с ней, хотя был и Вилька. Вилька злился на меня и на Клаву.

Ушли с танцев немного раньше и я проводил Клаву домой.

В воскресенье был там же. Клава была тоже. На этот раз с Ниной - ещё одной актрисой Магнитогорского театра её же возраста. Вилька злился ещё больше. Клава смеялась. А я опять танцевал чаще с ней.

Домой шли все вместе. Была и Ира с Ларисой Целищевой. Ира тоже посмеивалась.

Встреча Нового 1948 года состоялась на балу во Дворце Культуры Угольщиков. На вечере присутствовала, конечно, и вся молодёжь Магнитогорского театра, в том числе и Клава, с которой я преимущественно и танцевал.

Перед самым Новым Годом эти актёры исчезли за кулисами и там где-то в театральной уборной дружно выпили - вспрыснули Новый Год. Меня туда никто не пригласил, да и денег-то у меня, честно, не было. Опять следует задуматься: встречал Новый Год, а у меня даже не было денег...

Когда часы проббили 12, вся гвардия „навеселе“ ввалилась в зал, пошли поздравления и продолжились танцы. Поздно ночью после окончания бала я проводил Клаву домой – а жили актёры в заводском общежитии на Ленинской - и в эту же комнату пришёл молодой актёр театра, ухаживавший за Ниной. Сперва мы немного посидели за столом и поговорили, а потом Нина с молодым человеком в моём присутствии полезли в постель. Кстати, они вскоре поженились.

Я почувствовал, что и Клава не прочь была бы принять меня к себе под одеяло. Но я вежливо распростился и пошёл домой.

А потом у меня прошла не только дрожь, но и признаки ненормальности. Я не поругался с Клавой, но совершенно к ней охладел. Абсолютно ничего для себя интересного в ней не нашёл. Пустейшая ветренная особа...

В конце марта месяца я особенно ощутил пустоту на душе. Танцевал, как из-под палки, настроение было ужасным. Снова это жуткое одиночество. Когда же оно, наконец, закончится, да и закончится ли когда-нибудь? Даже волейбол приелся. А это совершенно для меня незнакомое чувство...

Пришла весна. Новая весна. Но не для меня. Пусть воспевают её поэты. Я не мог... Я продолжал оставаться ссыльным немцем безо всяких видимых перспектив.

Правда, летом 1948 года в Копейск на производственную практику приехал мой лучший школьный друг одноклассник Володя Морозов. Будучи студентом Ленинградского Горного Института, он ходил в специальной красивой форме, очаровал копейских девушек и произвёл фурор на весь наш городок. Мы славно проводили наше свободное время вместе с моими знакомыми из круга преподавателей, с Ирой и её приятельницами. Гуляли днём и вечером, ходили на танцы и на стадион рядом, и провожали Ларису Целищеву домой чёт-те куда на окраину, а потом они с Вовкой ещё долго прощались у крыльца, а я терпеливо ждал поодаль у забора. А затем мы шли вдвоём с другом по ночному городу ко мне далеко на Афон...

А 29 июля Ира сказала мне, что в последний приезд Сергея судьба их решилась: она стала его женой, хотя об этом теперь кроме меня ещё никто не знает... В следующий его приезд будет свадьба.

Теперь понятно, почему её отношения ко мне в последнее время как-то изменились. Ну а что могло быть иначе? Ничего... Все этого ждали и я тоже ожидал. Ира стала для меня самым близким человеком здесь, в Копейске. И вот скоро ей предстоит уехать.

Мы, конечно, будем встречаться с ней и дальше. Внешне в наших отношениях ничего не должно измениться – никто ничего не должен знать. Но мы-то оба знали...

После нашего с ней разговора я пришёл домой и долго ещё дымил папиросами. Встречу ли я ещё такого человека?..

На следующий день я был спокоен, только как-то очень грустно было на душе. Грустно и легко. наших отношений с Ирой ничто не омрачает. Мы были откровенны друг с другом всегда. Ира удивительный человек, душевный, сердечный.

Даже мой друг Володя Морозов говорил о ней: „Какой удивительный она человек! С ней нельзя быть неискренним. Как легко с ней говорить.“

И он был, конечно, абсолютно прав.

Как много доброго принесло мне это знакомство, сколько я узнал человеческого, как морально держала меня эта невидимая сила, сила женской дружбы, а может быть, и не только дружбы?..

На этом записи 1948 года в моём дневнике обрываются... Знакомство с Ирой Сорокиной было для меня важным событием в Копейской жизни, да и в жизни вообще...

На фотографии с кошечкой, которую Ира мне подарила, было написано следующее: „Не нужно говорить о своём счастье человеку, который несчастнее тебя. Простите меня за это. Ваш вечный и верный друг Ира. 18 августа 1948 года. Копейск“.

А на второй фотографии с той же милой кошечкой стояло: „Помните, Роберт. Впереди есть счастье. Пусть Вас так же ласкает, целует – будущий друг жизни. Не сердитесь за это сравнение – оно искренне. Пусть эта карточка „символ любви“ напоминает о наших очень хороших отношениях. Ведь Вы для меня всё равно лучший, близкий друг. Ира. Копейск. 1948 год, сентябрь“.

Почти два года длилось наше крепкое близкое дружеское знакомство. Познакомились мы в конце лета 1946 года, замуж она вышла летом 1948 года. Я знал, что эта необыкновенная девушка значит для меня много. Анна Петровна Арзамасцева, будущая Ирина свекровь, очень хорошо относилась ко мне, а также и к Ире, и всячески поддерживала нашу дружбу, и отношения наши в конце-концов стали выходить за пределы просто дружбы. Но между нами стояла фигура её друга-фронтовика танкиста Сергея. И я ушёл... Летом я приходил домой частенько на рассвете, но я никогда даже не позволил себе назвать Иру на „ты“, не то, чтобы там поцеловать или обнять. Если бы только это произошло, если бы я тогда сделал хотя бы один шаг, была бы, вероятно, другая свадьба. Но тогда танкист Арзамасцев мог бы рассказать своим товарищам, что его девушка не дождалась, изменила ему, за немца какого-то вышла. Ох, как всё это было сложно!

Потом я задавал себе вопрос: правильно ли я поступил? И сам не знаю этого до сих пор! „Вы святой человек“, - говорила мне Ира. Не знаю, правда ли это.

После свадьбы они с Сергеем уехали. Я долго писал Ире, часто и много. Писал ей в далёкую Монголию, где они жили не один год. Потом эта односторонняя переписка прекратилась по просьбе Иры, и даже с вызовом: „А где Вы были, собственно говоря, раньше?!“. Я, в сущности, стал забывать, что она замужем...

Где-то году в 1960-м она снова написала мне маленькое письмишко. Они много странствовали с места на место.

В 1966 году зимой проездом через Златоуст мне удалось увидеть её с мужем на заснеженной платформе вокзала – я сообщил ей предварительно телеграммой, что буду проезжать через их город. Потом писал пару раз, но без ответа...

Позже они жили в Тольятти, у Жигулей, и наконец перебрались в Челябинск...

А ведь люди часто видят во взаимоотношениях других только гадость. Даже первая жена не верила мне, хотя до женитьбы знала обо всём. Иначе я себе и не мыслил этого. О моих связях она узнала от меня, и никто потом не смог бы поразить её неожиданным открытием. Новое ей узнавать было нечего.

К сожалению, копии моих писем Ире Арзамасцевой были уничтожены позже со многими другими. Я смогу воспроизвести здесь только частично некоторые:

21 ноября 1949 года.

О духовной и физической близости людей.

Род человеческий разделяется довольно чётко - если не считать незначительных исключений - на две части: мужчин и женщин. Найти себе пару по этому признаку очень просто. Но вряд ли в этом счастье.

Духовно люди отличаются друг от друга в значительно большем многообразии.

И вот тут найти себе пару - куда сложнее.

Как правило, такого выбора сделать не удаётся подавляющему большинству.

Часто говорят, что я слишком усложняю жизнь, что надо смотреть на неё проще, что в Копейске есть добрые девушки.

Есть! Я не сомневаюсь. Только я их где должен найти? При каких обстоятельствах?

Может ли белый медведь из Арктики найти себе подружку на экваторе или хотя бы надеяться на это?

Лишку загнул, да? Пусть так, но зато хоть на этом примере, может быть, несколько красочнее можно себе представить, что нормировщику из какой-то зачуханной Спецконторы, немцу без настоящего и будущего трудно найти путь к „экватору“...

По радио передают концерт, и музыка терзает мне душу. Сколько мне дало это радио здесь, в Копейске! Единственная моя отрада в жизни - вечером радио.

Сколько я прослушал великолепных передач, сколько музыки. И я люблю её. Люблю Чайковского и Бетховена, Баха и Рахманинова. Люблю слушать симфонии, рояль, орган...

И как ни странно, любовь к симфонической музыке, я позволю себе сказать - даже понимание её, не исключает и моё увлечение хорошей джазовой музыкой. Люблю и джаз со школы ещё, с танцев!

Сегодня ночью видел какой-то странный сон, какой-то фантастически красивый! Мираж... мираж о ней...

1949 год.

... Сегодня у меня вечер, свободный от конторских занятий, родственных и прочих визитов; я сижу дома, а со мной тоска, тоска по Ленинграду, по другой, далёкой теперь жизни.

Я знаю, Вы скажете, надо жениться. И я отвечаю снова, как всегда: на ком?

Я уже предугадываю Ваш ответ:

- Да разве мало в Копейске хороших девушек?

Расплывчатый ответ, в сущности, даже не ответ. Назовите персонально ту, которая понравилась бы мне и обратно, к о т о р о й п о н р а в и л с я б ы я. Вы молчите, а ведь Вам, пожалуй, знакомо больше порядочных девушек, чем мне.

Существует два вида привязанностей. Иногда их называют любовью. Первая из них физическая, если так можно выразиться, вторая духовная.

Добиться первой, почувствовать её гораздо легче второй. И часто её-то и путают со второй.

Но может ли подобная любовь дать полное удовлетворение? Нет, конечно. На первых порах может показаться, что счастье найдено. Но потом... У меня уже есть доказательства. Да и может ли долго продолжаться счастливая совместная жизнь двух мыслящих человеческих существ, когда между ними нет единого общего духовного, их объединяющего?

Вот мы и подошли к общности духа. И это - второе - более существенно. Без этого не мыслю счастливого брака. Те, кто решил связать свою жизнь навсегда вместе, должны иметь прежде всего общий язык. Это, конечно, не значит, что оба должны говорить по-русски или по-китайски, или что один должен быть зеркальным отражением другого.

Найти же духовную общность в человеке гораздо труднее. Физически мы отличаемся друг от друга очень мало. Если отбросить ненормальности и недостатки, то род людской легко разделить на мужчин и женщин. Ошибка в выборе почти невозможна.

Зато в области духовной различия громадны и бесконечны. „Бытие определяет сознание“. Что это значит в переводе на русский язык?

Это значит, что нормальное развитие человека немыслимо вне общества и что сознание этого человека, его образ мыслей, его понятие о жизни или отсутствие того и другого зависят от той среды, в которой он живёт и растёт, и прежде всего, от той среды и обстановки, в которой он вырос, в которой он получил своё „Я“.

Теперь спрашивается, где нам логичнее искать белого медведя - в пустыне Сахаре или в ледяных просторах Арктики? Глупый вопрос, скажете Вы, конечно, в Арктике!

Белого медведя создали условия Арктики, и если бы он вздумал отыскать себе подругу в Сахаре, поиски его вряд ли оказались успешными, не окажись в Сахаре такой же ищущей медведицы, что почти невероятно.

Вы, конечно, понимаете, что я не сравниваю Копейска с Сахарой, а себя с белым медведем. Слишком велика честь для Копейска, ну и для меня, считать себя заморской диковиной.

Однако, доля здравого смысла есть и в этом нелепом сравнении. И я уверен, что Вы согласитесь со мной.

Гораздо большую часть своего времени я провожу в Конторе. Это уже безусловная Сахара для меня. Потом - Афон. Это даже не Сахара - это пустынейший уголок её.

Что же у меня ещё остаётся? Танцы в Малом зале? Вестибюль Дворца Культуры? Не густо, не правда ли?

Не надо забывать, что хоть я и „высокоорганизованное животное“, обладающее разумом, но всё же живое существо, имеющее свою „физиологию“.

Это называется - круг замкнулся! Жена или любовница. Жена вычёркивается. Значит, любовница? Закрывать глаза и лететь в пустоту...

Поверьте мне, я этого не хотел, не хочу... Вы знаете, что я держался до двадцати семи с половиной. Но нет же ничего впереди! Пустота...

... Это, очевидно, и называется „жить проще“. Чудесно! Я мужчина, мне нужна женщина. А я женщина - меня не удовлетворяет мой супруг!

Куда как просто! А я, дурак, не мог этого понять! Пожалуйста, я к Вашим услугам!

Мне наплевать на то, что Вы не очень красивы, что мне не о чем с Вами разговаривать, мне наплевать на Вашу глупость и малообразованность! Надо проще смотреть на жизнь! А лучше даже задёрнуть занавески и вообще не смотреть...

8 января 1950 года.

Вот мне уже скоро тридцать лет. А я всё ещё хожу холостяком.

Разве нет хороших девушек в Копейске? Наверное, есть, только либо я с ними не знаком, либо они во мне ничего интересного для себя не найдут. Кто я такой?

Нет семьи, нет жены. И перспектив никаких реальных...

Что же остаётся? Бросить все фантазии, бросить все надежды встретить человека на всю жизнь, встретить ту, которую придумал в уме.

Чёрт с ней, с этой фантазией, с этой мечтой! Женщин кругом много...